

A detailed historical map of Saint-Petersburg, Russia, showing the city's layout along the Neva River. The map includes various landmarks, streets, and water bodies. The text is overlaid on the map, centered in the upper half.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

8

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2018

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR HISTORY OF MATERIAL CULTURE

BULLETIN

№ 8

RESCUE ARCHAEOLOGY

ST. PETERSBURG

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 8

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2018

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

Рецензенты:

В. А. Лапшин (директор ИИМК РАН)

И. Л. Тихонов (директор Музея истории СПбГУ)

Ответственный редактор, составитель Н. Ф. Соловьева

Технический редактор, оформитель С. Л. Соловьев

Перевод: А. В. Гилевич

Бюллетень Института истории материальной культуры Российской Академии наук:
(охранная археология). [№] 8 / науч. ред. Н. Ф. Соловьева;
ИИМК РАН. – СПб.: Изд-во ООО «Периферия», 2018. – 264 с. : ил.

Bulletin of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences:
(rescue archaeology). [№] 8 / ed. by N. F. Solovyova;
IHMC RAS. – SPb.: Publishing House ООО «Periphery», 2018. – 264 pp. : ill.

ISBN 978-5-907053-11-3

Периодическое издание посвящено охранно-археологической деятельности ИИМК РАН по изучению культурного наследия России. Восьмой номер бюллетеня представляет результаты археологических исследований объектов культурного наследия Санкт-Петербурга и его окрестностей, а также других регионов России, которые были осуществлены Отделом охранной археологии ИИМК РАН в сотрудничестве с другими научными, образовательными и государственными организациями в 2015–2018 гг.

Издание предназначено для историков, археологов, государственных служащих, частных предпринимателей и широкого круга читателей, заинтересованных в научной и достоверной информации об истории России и состоянии памятников ее культуры.

This periodical is dedicated to the rescuing and archaeological activities of the Institute for the History of Material Culture (IHMC) RAS in studies of the cultural heritage of Russia. The eighth issue of the Bulletin presents the results of archaeological investigations of the cultural heritage of St. Petersburg and its surroundings, as well as other regions of Russian Federation, carried out in 2015–2018 by the Department for Rescue Archaeology of IHMC RAS in collaboration with other scientific, educational and public organizations.

This publication is intended for historians, archaeologists, government employees, private entrepreneurs and a wide circle of readers interested in reliable scientific information on history of Russia and the state of the monuments of its culture.

ISBN 978-5-907053-11-3

УДК 902/904
ББК 63.4

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические исследования в Санкт-Петербурге и его пригородах

Раскопки неолитической стоянка Берёзово 2 в Северо-Западном Приладожье (полевые наблюдения и предварительные интерпретации)	9
<i>Д. В. Герасимов, Е. С. Ткач, Е. Н. Гончарова</i>	

Обследование «Kukkonkirkko» – «Петушиной церкви» в Гатчине	21
<i>Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев</i>	

Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ в 2015–2016 гг.	27
<i>Е. Р. Михайлова, К. В. Шмелев, В. Ю. Соболев, Д. Н. Мурзенков, И. А. Федоров, И. И. Тарасов</i>	

Раскопки селища Владимировка 1 в Приозерском районе Ленинградской области в 2017 г.	39
<i>К. С. Роплекар</i>	

Археологическая разведка в Усть-Луге Кингисеппского района Ленинградской области	47
<i>К. С. Роплекар, Е. Л. Кириллов, И. В. Стасюк</i>	

Исследования на территории музея-усадьбы Н. К. Рериха в Изваре и на Левашовском мемориальном кладбище в 2017 г.	55
<i>С. А. Семенов, Ст. А. Васильев, Е. К. Блохин</i>	

Археологические разведки на Ижорском плато	67
<i>И. В. Стасюк</i>	

Археологические исследования на северо-западе России

Раскопки на усадьбе Адриано-Андрусовского монастыря в 2017 г. (Олонецкий район Республики Карелия)	69
<i>М. М. Шахнович</i>	

Раскопки церкви Воскресения Христова в г. Петрозаводске в 2017 г.	81
<i>М. М. Шахнович</i>	

Археологические исследования в регионах России

Новый мезолитический могильник в Вологодской области Усть-Колпь 11	91
<i>Н. В. Косорукова, Т. Р. Садыков</i>	

Население Таманского полуострова в средние века (по материалам раскопок 2016 г.)	97
<i>В. Л. Мыц, С. Л. Соловьев</i>	

Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг.	123
<i>А. В. Поляков, И. П. Лазаретов, Ю. Н. Есин</i>	

Поселение XVIII в. «Усадьба Рассохватый-I» на границе Воронежской и Ростовской областей	140
<i>Р. В. Филиппенко</i>	

Междисциплинарные исследования

Монетный клад 40-х гг. XVII в. с территории Курского детинца	156
<i>К. В. Горлов, Р. С. Веретюшкин</i>	

Клад петровского времени из окрестностей Новой Ладogi: результаты комплексного исследования	175
<i>К. В. Горлов, А. В. Плохов, Л. М. Дмитренко, С. В. Хаврин, Н. Ф. Морозова</i>	

Новые данные о реставрационно-строительных работах на памятнике наскального искусства Томская писаница в конце 1960-х – середине 1970-х гг.	215
<i>К. В. Конончук, А. Ф. Покровская</i>	

Деревянные обувные колодки в раннесредневековой Ладогe и использование колодок в средневековье	219
<i>А. В. Курбатов</i>	

Реставрация кладовой керамики начала XVIII в. из Новой Ладogi	237
<i>Н. С. Курганов</i>	

Из Петербурга в Ленинград. Вехи профессионального пути археолога С. А. Дубинского	241
<i>С. А. Семенов</i>	

Исследования мастерской по изготовлению мелкой глиняной пластики на поселении Йылгынлы-депе в Туркменистане	248
<i>Н. Ф. Соловьева</i>	

Список сокращений	263
--------------------------------	------------

Список авторов	264
-----------------------------	------------

CONTENTS

Archaeological Investigations in St. Petersburg and its Suburbs

Excavations at the Neolithic site of Berezovo 2 in North-Western Ladoga region (field observations and preliminary interpretations)	9
--	----------

D. V. Gerasimov, E. S. Tkach, E. N. Goncharova

Investigation of ‘Kukkonkirkko’ – ‘Cock church’ in Gatchina	21
--	-----------

E. R. Mikhaylova, V. Yu. Sobolev

Field investigations of the Prof. G. S. Lebedev Laboratory of Archaeology, Historical Sociology and Cultural Heritage, St. Petersburg State University 2015–2016	27
---	-----------

E. R. Mikhaylova, K. V. Shmelev, V. Yu. Sobolev, D. N. Murzenkov,

I. I. Fedorov, I. A. Tarasov

Excavations at the settlement of Vladimirovka 1 in Priozersk district of Leningrad Oblast in 2017	39
--	-----------

K. S. Roplekar

Archaeological survey in Ust-Luga, Kingisepp district of Leningrad Oblast	47
--	-----------

K. S. Roplekar, E. L. Kirillov, I. V. Stasyuk

Investigations in the territory of N. K. Roerich’s Museum-Estate in Izvara and at the Levashovo Memorial Cemetery in 2017	55
--	-----------

S. A. Semenov, St. A. Vasil’ev, E. K. Blokhin

Archaeological surveys on the Izhora Plateau	67
---	-----------

I.V. Stasyuk

Archaeological Investigations in Northwestern Russia

Excavations at the estate of the Adriano-Andrusovsky monastery in 2017 (Olonets district of the Republic of Karelia)	69
---	-----------

M. M. Shakhnovich

Excavation of the Church of Resurrection of Christ in Petrozavodsk in 2017	81
---	-----------

M. M. Shakhnovich

Archaeological Investigations in Russian Regions

A new Mesolithic burial ground of Ust-Kolp 11 in Vologda Oblast	91
--	-----------

N. V. Kosorukova, T. R. Sadykov

Population of the Taman Peninsula in the Middle Ages (materials from excavations of 2016)	97
--	-----------

V. L. Myts, S. L. Solovyev

Investigations by the Sayan Expedition of IIMK RAS at sites of the Early Bronze Age on Itkol Lake in 2016-2017	123
---	------------

A. V. Polyakov, I. P. Lazaretov, Yu. N. Yesin

Settlement of the 18th century ‘Estate Rassokhovaty-I’ at the boundary between the Voronezh and Rostov Oblast	140
--	------------

R. V. Philippenko

Interdisciplinary Studies

A coin hoard of the 1640s from the territory of the Kursk detinets	156
<i>K. V. Gorlov, R. S. Veretyushkin</i>	
A hoard of Peter's time from surroundings of Novaya Ladoga: results of an interdisciplinary study	175
<i>K. V. Gorlov, A. V. Plokhov, L. M. Dmitrenko, S. V. Khavrin, N. F. Morozova</i>	
New information on the restoration-construction works at the site of rock art Tomskaya Pisanitsa in the late 1960s – mid-1970s	215
<i>K. V. Kononchuk, A. F. Pokrovskaya</i>	
Wooden footwear lasts in early mediaeval Ladoga and the use of lasts in the Middle Ages	219
<i>A. V. Kurbatov</i>	
Restoration of a storeroom of pottery of the early 18th century from Novaya Ladoga	237
<i>N. S. Kurganov</i>	
From Petersburg to Leningrad. The landmarks of the professional fate of the archaeologist S. A. Dubinskiy	241
<i>S. A. Semenov</i>	
Specialized workshop of the Early Chalcolithic Period site Yilgynly-depe in Turkmenistan	248
<i>N. F. Solov'yova</i>	
List of Abbreviations	263
List of Authors	264

Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг.¹

А. В. Поляков², И. П. Лазаретов³, Ю. Н. Есин

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-123-139

В 2016–2017 гг. Саянская экспедиция ИИМК РАН при поддержке Русского географического общества (РГО) проводила исследования уникального археологического памятника Итколь II (Ширинский район Республики Хакасия). Раскопки на этом объекте были начаты в 2008 г. и велись на регулярной основе все это время (Поляков, 2010а, 2010б, 2014а, 2014б; Поляков, Есин, 2015; 2017; Поляков, Степанова, 2009; Степанова, Поляков, 2017). При этом были сделаны крайне интересные находки и получены уникальные артефакты. В данной статье представлены наиболее интересные материалы, полученные в ходе двух завершающих полевых сезонов работ на этом памятнике.

Могильник Итколь II, насчитывающий 44 кургана различных хронологических эпох, находится в восточной части Ширинского района Республики Хакасия (рис. 1). Он располагается на пологом склоне левого берега безымянной протоки, вытекающей из озера Тушинино, которое в своё время, видимо, было частью озера Итколь. Научный интерес представляет, прежде всего, наиболее раннее

«ядро» этого могильника, состоящее из курганов афанасьевской и окуневской культур. Особое значение этому памятнику придает необычное богатство и разнообразие обнаруженных в нем произведений искусства (изображения на плитах, уникальные изделия мелкой художественной пластики).

В течение двух полевых сезонов (2016–2017 гг.) при деятельном участии волонтеров РГО были исследованы пять курганов различных хронологических эпох. Один из них оказался относительно поздним и не содержал ценных научных материалов. Остальные четыре представляют значительный интерес и отражают раннюю историю периода палеометалла древних племен Минусинской котловины. Их описание будет дано с учетом хронологии, начиная с наиболее древнего.

Курган 25 (2016 г.). Монументальное сооружение афанасьевской культуры представляло собой кольцо диаметром 17,5 м из вертикально вкопанных плит песчаника с обработанными краями (рис. 2). Большинство из них были изъяты или обломаны при возведении курганов последующих эпох, но на одном из участков удалось реконструировать первоначальную высоту ограды, которая составляла не менее 1 м от уровня древней погребенной почвы. Курган был перекрыт весьма значительной земляной насыпью, которая на момент раскопок сохраняла высоту 0,60 м. На сегодняшний день это один из самых крупных исследованных курганов афанасьевской культуры.

В центре сооружения находилась могила в виде грунтовой ямы, перекрытой частично сохранившимся продольным деревянным накатом (восемь бревен диаметром по 0,30 м). На её дне зафиксированы остатки (голени и ступни) погребения мужчины 30–45 лет в сопровождении двух

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н.э. – I тыс. до н.э.)).»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. E-mail: poliakov@yandex.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

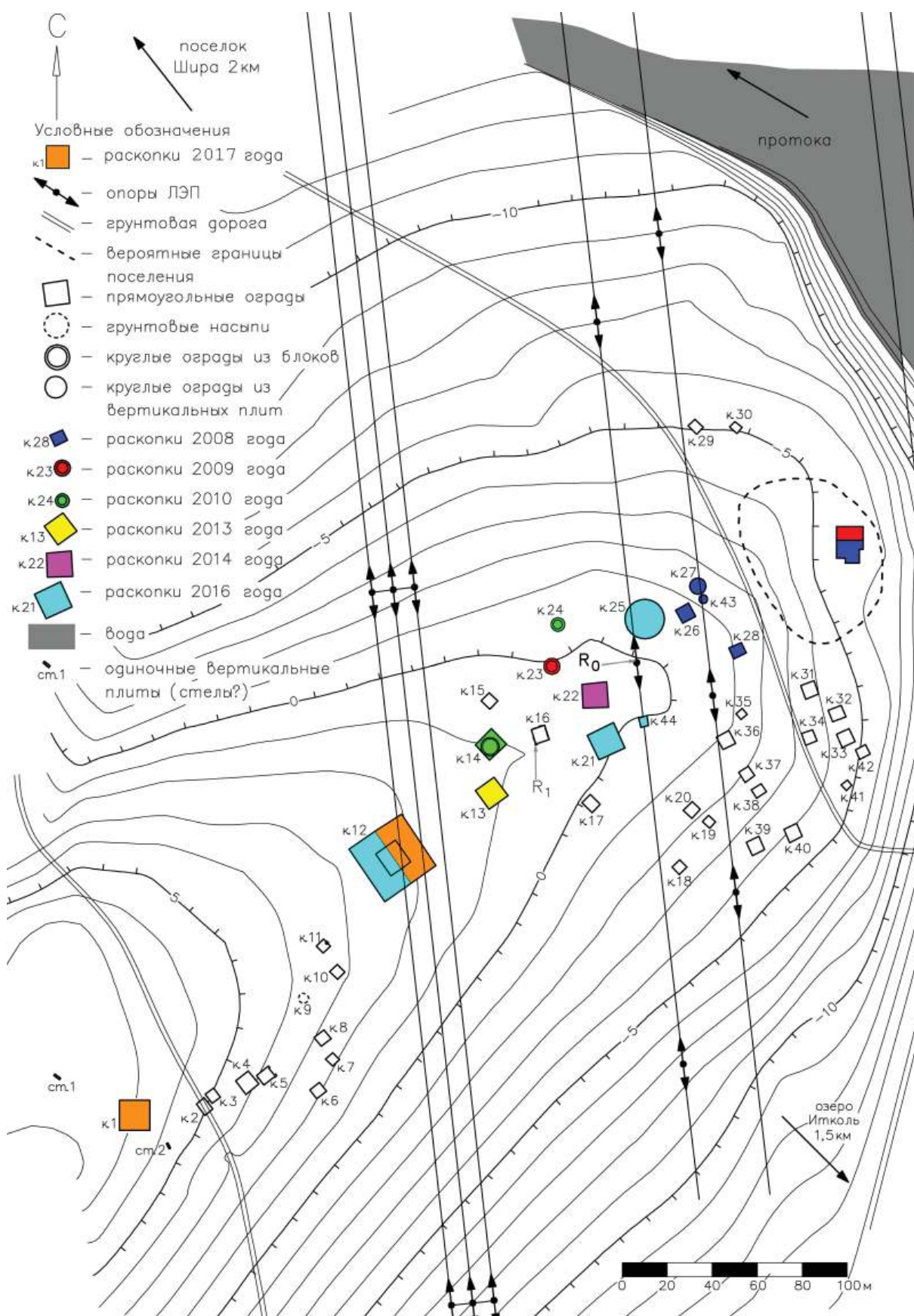

Рис. 1. План могильника Итколь II

Рис. 2. Итколь II, курган 25. Фото на уровне зачистки по «материку». Вид с северо-запада

сосудов, один из которых имел очень значительный объем, и комка охры (рис. 3). За пределами ограды с восточной стороны было обнаружено погребение ребенка в небольшой грунтовой яме в сопровождении комка охры, которое тоже, без сомнения, относится к афанасьевской культуре. По образцу дерева из перекрытия центральной могилы была получена радиоуглеродная дата (Le-11433 – 4240 ± 50), которая после калибровки с учетом двойной сигмы демонстрирует хронологический период 3002–2635 гг. до н. э. (рис. 4). Эти данные полностью совпадают с современными представлениями о хронологии афанасьевских памятников Среднего Енисея (Svyatko et al., 2009; Поляков, Святко, 2009; Поляков, 2010в; 2017; Поляков и др., 2017; 2018; Poliakov et al., 2018).

В окуневское время этот курган продолжал использоваться в ритуальных целях. В заполнение центрального афанасьевского погребения уже после того, как в ходе естественных процессов могила оказалась засыпана землей, была впущена яма заметно меньшего размера и иной ориентировки, прорезающая первичное захоронение до самого дна и уходящая на несколько сантиметров ниже (рис. 3). К сожалению, никаких следов погребения или иных действий зафиксировать в ней не удалось. Подобные ритуальные ямы обнаружены в кургане 12 этого же

Рис. 3. Итколь II, курган 25, могила 1. Фото дна погребения. Вид с востока

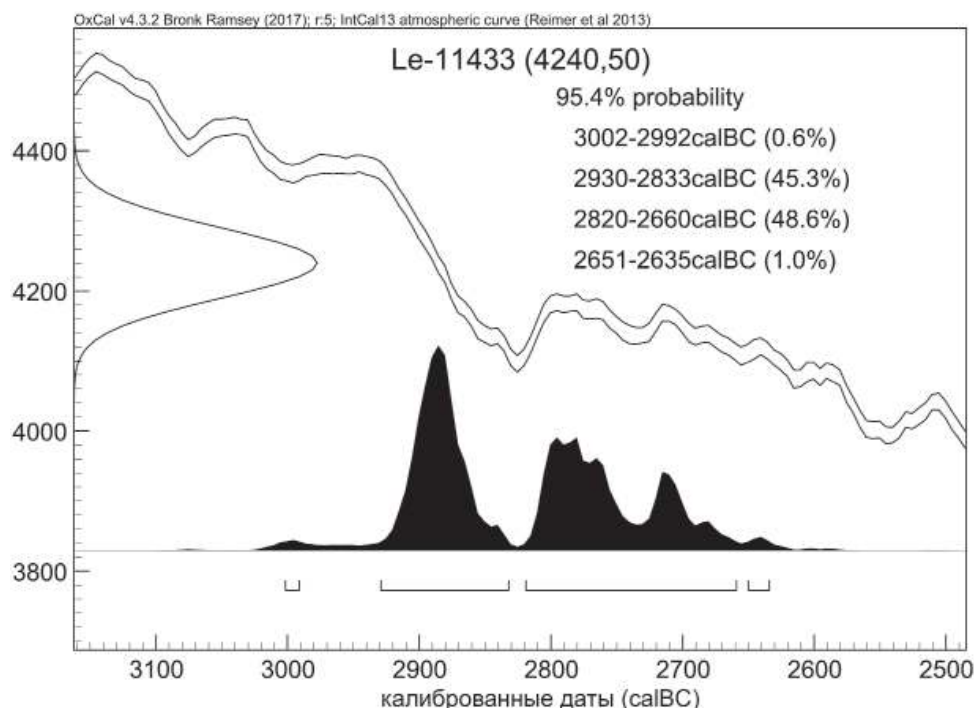

Рис. 4. Итколь II, курган 25, могила 1. Радиоуглеродная дата деревянных конструкций перекрытия

памятника, а также при исследовании могильников Малые Копены III и Уйбат V (Зяблин, 1981. С. 121; Лазаретов, 1997. С. 25, табл. VII). Назначение их остается неясным, но связь с окуневской культурой выглядит убедительной.

Кроме того, в верхней части насыпи кургана к западу и востоку от центра были обнаружены неглубокие ямы, содержавшие «шкуры» быков. От них сохранились черепа и кости передних конечностей. К востоку в подобии каменного ящика был найден один такой комплект, а к западу в обширной грунтовой яме – сразу восемь. По определению А. К. Каспарова они принадлежат очень крупной для эпохи ранней бронзы породе быков. Их высота в холке составляла 140–150 см. Подобные захоронения шкур быков найдены Н. В. Леонтьевым при раскопках окуневского могильника База Минторга на территории города Минусинска и при исследовании окуневских слоев стоянки Тоора-Даш (Наглер, Парцингер, 2006. С. 106, 107, рис. 11, 12; Семенов, 2018. С. 154, рис. 172, 173). Это позволяет связывать появление указанных объектов в насыпи кургана именно с окуневской культурой. Кроме того, захоронения черепов быков были обнаружены при раскопках кургана 1 могильника Итколь II (далее по тексту).

Вероятно, окуневским временем следует датировать детское погребение, совершенное с юго-

восточной стороны за оградой кургана. Оно не содержало сопроводительного инвентаря, однако, тот факт, что сама могила оформлена в виде каменного ящика, может указывать на ее окуневскую принадлежность. При разборке насыпи над погребением обнаружена небольшая каменная плита со следами обработки, которые позволяют определить, что она является обломком верхнего края афанасьевской ограды. На ней нанесены изображения животных в особом стиле (рис. 5). Вероятно, эти изображения и детская могила могут быть взаимосвязаны. Нет сомнений, что данное захоронение устроено в тот момент, когда афанасьевская ограда ещё не была полностью разрушена. Изображения на ней могли выбить в ходе проведения погребальных ритуалов в непосредственной близости от могилы.

Наиболее крупным рисунком на плите является фигура быка. Первоначально по контуру в технике плотной точечной выбивки было нанесено подпрямоугольное туловище, к которому затем добавили четыре ноги, показанные короткими вертикальными линиями (передние ноги не сохранились), хвост с утолщением на конце, голову быка с шеей и холкой. Внутри контур туловища заполнен разреженными продолговатыми сколами. Голова относительно туловища непропорционально маленькая и узкая. Два рога загнуты вверх и назад. Такой стиль отличается как от хорошо известных

Рис. 5. Итколь II, курган 25. Плита с изображениями, найденная возле могилы 3

изображений животных на плитах из курганов черновского этапа окуневской культуры, так и от рисунков минусинского стиля, претендующих на связь с афанасьевской культурой. Наиболее близки ему несколько рисунков быков памятника Усть-Туба II на южном склоне горы Тепсей (Blednova et al., 1995. Pl. 36), которые уже предлагалось отнести к раннеокуневскому времени (Есин, 2010б. С. 69). Представляют интерес некоторые аналогии изображений в таком стиле на Алтае и юге Казахстана, не образующие, впрочем, значительной серии (Кубарев, 2009. Рис. 566; Байпаков, Марьяшев, 2009. С. 44). Другое важное изображение этой плиты – два овала в виде отпечатков подошв обуви человека, выбитые выше быка и направленные носками в ту же сторону, что и голова животного. Изображения стоп – редкая тема в окуневском искусстве, но важная для изучения генезиса этой культуры (Есин, 2012. С. 73).

Курган 12 (2016–2017 гг.). Этот курган имеет очень продолжительную и сложную историю своего развития (рис. 6). Первоначально был возведен рядовой курган афанасьевской культуры диаметром около 10 м, окруженный круглой оградой из плашмя положенных плит песчаника. В его центре располагалась большая грунтовая могила с традиционным по инвентарю погребением афанасьевского времени (сосуды, роговые гвоздики, каменные пестики и, вероятно, ядро для пращи). Позднее этот курган перестроили самими афанасьевцами. Ограда в южной части была разобрана и параллельно первоначальной могиле 1 выкопана могила 2, а ограда восстановлена, но уже в форме вытянутого овала. В этой могиле совершено захоронение, из инвентаря которого сохранились только фрагменты афанасьевских керамических сосудов. Обе могилы были потревожены, вероятно, в окуневское время. Однако, необходимо отметить,

что никаких артефактов окуневской культуры в них не обнаружено. То есть дополнительные погребения в эти могилы не впускались.

В дальнейшем процесс переустройства этого погребального сооружения не прекратился. В раннеокуневское время (уйбатский этап) комплекс вновь был переоформлен. Вокруг кургана, вплотную к овальной афанасьевской ограде была построена прямоугольная ограда из вертикально вкопанных плит, размерами 10,5 × 11,5 м, а затем ещё одна размерами 28 × 30,5 м (это второй по величине исследованный окуневский курган после Тас-Хазза). Таким образом, малая ограда оконтуривает в понимании окуневских строителей центральное сооружение, а большая является уже непосредственно оградой кургана. В ней располагалось 11 могил окуневской культуры. Подобная перестройка – не уникальное явление. Известно ещё три подобных случая: Пистах к. 3, Итколь II к. 14 и Камышта-2 к. 1, из которых первые два опубликованы авторами (Подольский, 1997; Поляков, Есин, 2015). Все три кургана первоначально представляли собой традиционное афанасьевское сооружение с круглой оградой из плашмя положенных плит и одной или несколькими могилами в центре. Позднее, в окуневское время, они были переформатированы: по периметру круглой ограды возведены прямоугольные ограды из вертикально поставленных плит. Причем, в одном случае (Итколь II к. 14) зафиксировано, что они прижаты к развалам афанасьевской ограды. То есть первоначальные сооружения были уже полуразрушенными, а значит, с момента их возведения и до перестройки прошло довольно много времени. М. Л. Подольский для таких сооружений предложил специальный термин – «впускной курган» (Подольский, 1997. С. 117). Вероятнее всего, причина таких действий кроется в желании использовать уже «готовую» насыпь афанасьевского кургана для нового сооружения.

По-видимому, для того чтобы «обезвредить» первоначальный афанасьевский курган и заново «освятить» погребальную площадку, в могилу 2 и была впущена окуневская ритуальная яма, не содержащая захоронения. Аналогичное назначение, вероятно, имела и ритуальная яма, встроенная в центральную афанасьевскую могилу кургана 25 (см. выше по тексту). Судя по тому, что в обоих случаях эти ямы прорезали заполнение ранних могил, можно утверждать, что хронологический разрыв между сооружением афанасьевских курганов и их перестройкой в окуневское время был достаточно большим. За это время первоначальные могилы уже заполнились грунтом.

Рис. 6. Итколь II, курган 12. Фото на уровне зачистки по «материку». Вид с северо-востока

По образцам деревянных перекрытий афанасьевских могил 1 и 2, а также окуневской могилы 3 в Лаборатории археологических технологий ИИМК РАН сделаны определения возраста (Le-11658 – 4320 ± 50 ; Le-11659 – 4150 ± 30 ; Le-11434 – 3940 ± 50), которые подтверждают описанную выше схему развития кургана (рис. 7). Все три образца выстраиваются в четкую хронологическую цепочку, которая демонстрирует последовательность сооружения могил. Хорошо заметно, что между всеми тремя событиями прослеживаются отчетливые разрывы, которые исключают одновременное или быстрое развитие описанных действий. Хронологические отрезки достоверных интервалов даже не пересекаются между собой. Если использовать для анализа медианы всех трех дат, то разрыв между 1 и 2 могилой составит около 200 лет, а могилами 2 и 3 – ещё 300 лет. Таким образом, общая история развития этого кургана насчитывает до половины тысячелетия.

В окуневское время на площади кургана было совершено 11 погребений и устроена серия различных ритуальных объектов. На основании типов погребальных конструкций и сопроводительного инвентаря 10 могил следует отнести к уйбатскому этапу окуневской культуры (Лазаретов, 1997). Единственное сравнительно позднее захоронение, которое было введено в насыпь этого кургана – могила 6. Она может датироваться относительно поздним черновским этапом.

Особое место среди исследованных захоронений занимает могила 3 (рис. 8). Вероятно, это наиболее раннее погребение окуневской культуры в рамках данного кургана. Оно было введено в насыпь афанасьевского сооружения к западу от могилы 1, вплотную к ней (при этом была разобрана часть кольцевой ограды). Из окуневских могил она оказалась расположена ближе всех к центру кургана. Погребение совершено в грунтовой яме с заплечиками, которая была перекрыта продольным деревянным накатом и каменной кладкой. Захоронение производилось в два этапа. Первоначально в могилу поместили женщину 35–45 лет, умершую при родах или на поздней стадии беременности (на костях её таза были зафиксированы косточки плода). В погребении обнаружены разнообразные предметы сопроводительного инвентаря (сосуд, игольник, костяные и роговые изделия, медный нож и другие предметы), но особое значение имеет курильница с изображениями трех ликом с лучами (рис. 9).

Все лики на курильнице объединяют следующие признаки: одна горизонтальная линия между глазами и ртом, наличие только двух глаз, линии-лучи с внешней стороны контура лика с обособленными ямками возле концов или без них. Характерно также использование линий с ямками в качестве подвесок на кончиках бычьих рогов. Набор подобных особенностей обнаруживает

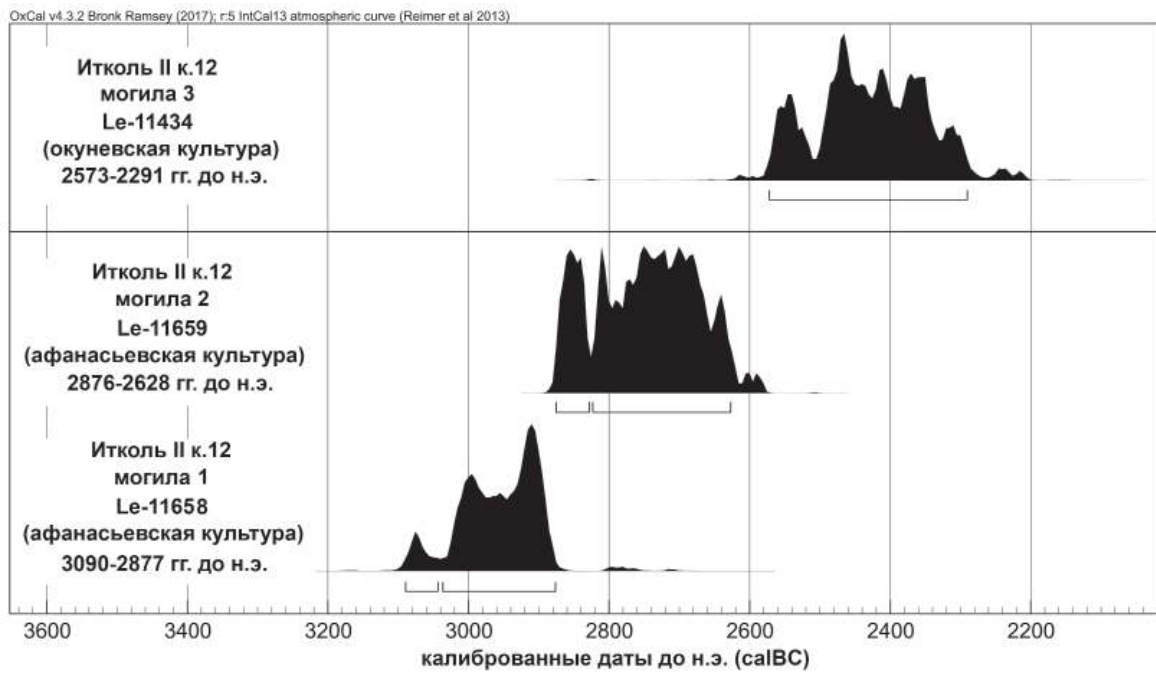

Рис. 7. Итколь II, курган 12, могила 1. Сопоставление радиоуглеродных дат деревянных конструкций перекрытий могил 1, 2, 3

Рис. 8. Итколь II, курган 12, могила 3. Фото дна погребения. Вид с северо-востока

Рис. 9. Итколь II, курган 12, могила 3. Курильница из погребения

серию параллелей среди изображений на стелах и скалах Минусинской котловины (Поляков, Есин, 2017. Рис. 4; Есин, 2008. Табл. I). Близкий по ряду признаков лик с лучами и рогами быка представлен на фрагменте стелы из могилы 10 того же кургана. В свое время изображения в аналогичном стиле были выделены в раннюю группу окуневского искусства, названную тасхазинской (Леонтьев, 1978). Благодаря находке в датированном погребении могильника Итколь II возраст этой стилистической группы теперь становится более ясен – около XXVI–XXIII вв. до н.э. Отнесение погребения и всего инвентаря к раннеокуневскому этапу снимает высказывавшуюся некоторыми исследователями гипотезу о принадлежности подобных изображений к афанасьевской культуре. Анализ изобразительной композиции на курильнице в контексте ее ритуальной функции и способа использования, а также сравнительный анализ с наскальными изображениями, позволил высказать ряд идей о содержании образов, их прагматике, идентифицировать с персонажами окуневского наскального искусства (Поляков, Есин, 2017).

Позднее в эту могилу было совершено подзахоронение ребенка 7 лет – девочки, судя по сопровождавшему её игольнику. Одежда ребенка в районе кистей рук (рукава одежды?) и за головой (головной убор?) украшена многочисленными нашитыми зубами различных животных. Всего в могиле обнаружено 157 подвесок с отверстиями для подвешивания или пришивания. Среди них больше всего зубов представителей диких видов: оленя (38 %), медведя (21 %) и волка (19 %) (определения выполнены А. К. Каспаровым). В меньшем количестве представлены коза (овца?), сурок, соболь, косуля, корова и лиса. Судя по состоянию зубов, они использовались очень продолжительное время. Зафиксированы многочисленные старые сломы и повреждения, которые были заполированы в результате длительного ношения. Можно полагать, что девочка приходилась родственницей погребенной ранее женщине, и обе, судя по многочисленности и «богатству» инвентаря, относились к привилегированной социальной группе.

Среди прочих погребений выделяется группа из пяти захоронений, оформленных в виде катакомб (могилы 4-а, 5, 11, 12, 13). Они имеют различный размер и глубину, а также отличающуюся в деталях конструкцию входной камеры (наклонный ход или вертикальная шахта), однако нет сомнения в их общности. С учетом подобных сооружений, исследованных в других курганах окуневской культуры, на сегодняшний день нам известно уже 15 могил этого типа. Причем все они марки-

руют наиболее ранний горизонт захоронений и самым непосредственным образом связаны с формированием окуневской культуры. Все возрастающее число погребений в катакомбах и ямах с заплечиками подтверждает верность параллелей с комплексами позднемного и переходного ямно-катакомбного времени европейской степной зоны (Лазаретов, 1997. С. 39–40).

Исследование окуневских погребений данного кургана ещё раз позволяет обратить внимание на особую роль красной краски в погребальной практике раннего уйбатского этапа окуневской культуры. В могиле 12 были обнаружены многочисленные обломки тонких плит песчаника с косой сеткой, нанесенной краской (рис. 10). К сожалению, могила была сильно потревожена, и конкретную роль этих плит установить уже невозможно, но исследователи не раз фиксировали использование данного орнамента на стенках каменных ящиков (Хаврин, 1997. С. 73, рис. 4). Второй момент связан с окраской охрой поверхности практически всех сосудов уйбатского этапа. Обычно, сохраняются только её следы, однако на стенках сосуда из могилы 7 кургана 12 удалось проследить орнамент в виде повторяющейся вертикальной линии с развилкой наверху (рис. 11). Аналогичный изобразительный элемент, символизирующий, вероятно, язык змеи, встречается на антропоморфных стелах окуневской культуры (Ковалев, 1997. Табл. VII: 2, 3).

Курган 21 (2016 г.). Погребальное сооружение окуневской культуры представляло собой подквадратную ограду из вертикально вкопанных плит песчаника размерами 12 × 11 м со следами установки угловых камней, ориентированную по линии юго-запад–северо-восток (рис. 12). Вся площадь кургана была перекрыта насыпью, сделанной из материкового грунта. В ограде располагались девять погребений, из которых шесть оказались не потревоженными. Следует обратить внимание, что пять из них практически не содержали сопроводительного инвентаря. С одной стороны, это позволяет датировать курган финалом черновского этапа окуневской культуры, с другой, предполагать, что ограбление могил было произведено современниками, которые знали об отсутствии вещей в конкретных погребениях (рис. 13).

Вещевой комплекс кургана немногочисленен. Были обнаружены: два сосуда, два бронзовых лезвия ножа, серия бус и бисера, оселок, каменный и костяной наконечники стрел, зажимной гарпун, большая костяная игла с обломанным ушком и две подвески, изготовленные из клыков медведя и волка. Среди найденных артефактов следует особо отметить «выпрямитель древков стрел», найденный

Рис. 10. Итколь II, курган 12, могила 10. Окрашенные каменные плиты из погребения

Рис. 11. Итколь II, курган 12, могила 7. Сосуд из погребения

в могиле 4 (рис. 14). Это первая подобная находка в окуневских погребениях, так как для данного периода в принципе мало характерно помещение орудий производства и предметов вооружения в могилы.

В ходе разборки перекрытий могил были обнаружены шесть обломков плит с изображениями, датирующимися окуневской культурой. Это чрезвычайно распространенная практика для того времени. Вероятно, рисунки на каменных плитах выполнялись для конкретных ритуалов и после их проведения теряли свое сакральное значение.

Рис. 12. Итколь II, курган 21. Фото на уровне зачистки по «материку» до снятия перекрытий могил. Вид с северо-востока

В дальнейшем они использовались как простой строительный материал. Среди данной серии наибольший интерес представляет фрагмент стелы с изображением антропоморфного лица, к глазам, носу и рту которого «подвешены» семь сегментовидных фигур, а еще 11 таких фигур расположены в наголовье (рис. 15). Форма и способ использования фигур позволяют соотнести их с каменными «луновидными» предметами с одним или двумя отверстиями, найденными ранее в нескольких курганах окуневской культуры (Максименков, 1980. Табл. XXIII: 3; Кызласов, 1986. Рис. 188: 1, 2; Лазаретов, Поляков, 2018. Рис. 7: 3). Аналогичные изделия были в употреблении и у носителей культур соседних территорий той же эпохи (Есин, 2009. С. 123–130; Молодин, 2013). Имеющиеся контексты свидетельствуют об использовании таких предметов в качестве подвесок к костюму и головному убору в ритуальных целях. По одной из гипотез они передают форму молодой или убывающей луны и связаны с ее почитанием. Изображения на новой стеле дополнительно подтверждают обе эти интерпретации, а количество подвесок с учетом их места в композиции демонстрирует связь с ключевыми закономерностями лунного календаря. Заслуживает также внимания нос этого лица, одновременно изображающий змею с открытой пастью и клыками.

Рис. 13. Итколь II, курган 21. Фото центральной части кургана на уровне зачистки по «материку» после зачистки погребений. Вид с северо-востока

Рис. 14. Итколь II, курган 21, могила 3. Выпрямитель древков стрел из погребения

Рис. 15. Итколь II, курган 21, могила 3. Плита с изображением, использованная в качестве перекрытия ящика

Курган 1 (2017 г.). Курган располагался на юго-западной окраине могильника, в его самой высокой точке. В результате работ установлено, что он относится к финальному периоду окуневской культуры. Курган представлял собой прямоугольную ограду из вертикально вкопанных плит песчаника размерами 14,5 × 13 м, ориентированную длинными сторонами практически по линии запад–восток (рис. 16). Внутри ограды располагалась 21 могила (20 каменных ящиков и грунтовая яма). Впослед-

ствии вся площадь кургана была перекрыта земляной насыпью. К сожалению, 20 погребений оказались в различной степени потревожены. Не тронутой осталась только одна могила, содержащая захоронение трех детей. Судя по всему, погребения были потревожены ещё современниками, до создания единой насыпи. На уровне погребенной почвы, внутри ограды обнаружен камень весом свыше 50 кг, который, вероятно, использовался для раскалывания плит перекрытия могил при их ограблении.

В кургане похоронено не менее 51 человека (по данным антрополога Н. И. Лазаретовой). Из них только 20 были определены как взрослые индивидуумы. Пол установлен в 15 случаях: 12 мужчин и три женщины. Количество похороненных в этом кургане детей составляет свыше 60 %. Столь высокое число детей связано с их активным позднейшим подзахоронением в могилы взрослых. Данная особенность характеризует преимущественно поздний этап развития культуры, когда число отдельных детских могил стало заметно меньше. На всех черепках, сохранившихся в достаточной степени, фиксируется традиционная для окуневской культуры затылочно-теменная деформация (Беневоленская, Громов, 1997). Особенно интересен тот факт, что как минимум на 13 черепках из этого кургана обнаружены следы посмертной трепанации в районе затылочной и теменной костей (рис. 17). Схожие манипуляции с черепами были прослежены при раскопках могильника Разлив X (раскопки 1973–1974 гг. М. Н. Пшеницыной) (Медникова, 2001. С. 224). Интересно отметить, что этот могильник многие исследователи также относят к наиболее позднему периоду развития окуневской традиции (Савинов, 2005). По-видимому, данный обряд характерен для очень узкого хронологического горизонта, который маркирует финал окуневской культуры в северной части ее ареала.

Несмотря на практически повсеместное ограбление захоронений, в могилах обнаружена серия интересных артефактов. Найдены многочисленные астрагалы овцы, козы и косули со следами обработки, игольник с иглами и фрагменты ещё одного, костяная проколка, каменный скребок, фрагмент бронзового шила, бронзовая пронизка, две подвески из клыков медведя, половинка зажимного гарпуна и крупный мраморный шар с отверстием. Уникальной находкой (могила 5) являются две подвески с отверстиями, сделанные из обработанного эпистрофея волка или крупной собаки (рис. 18). В детской могиле 9 обнаружены сразу два ценных артефакта. Не уникальной, но довольно редкой является «стеатитовая головка» (рис. 19). Образец, обнаруженный в этой могиле, отличается не только

Рис. 16. Итколь II, курган 1. Фото на уровне зачистки по «материку» до снятия перекрытий могил.
Вид с востока

Рис. 17. Итколь II, курган 1, могила 8. Затылочная часть черепа с трепанацией

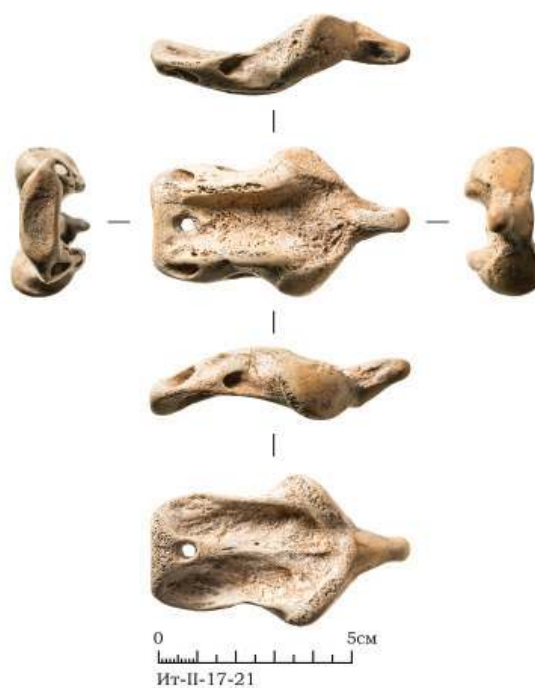

Рис. 18. Итколь II, курган 1, могила 5. Костяное изделие из эпистрофея волка

Рис. 19. Итколь II, курган 1, могила 12.
«Стеатитовая головка» из погребения

значительными размерами, но и многочисленными хорошо проработанными деталями. Они позволяют оценивать, в том числе, и антропологический тип изображенной женщины (монголоидный). Любопытно изображение окружности у нее на груди, что сопоставимо с изображением так называемого солярного знака в той же позиции относительно антропоморфного лика на каменных стелах. В могиле был найден и другой уникальный предмет – сделанная из двух роговых пластин головка лося, лошади или собаки (рис. 20). На ней *in situ* обнаружены бусы, нанизанные когда-то на веревочку. Роль этой несохранившейся веревочки осталась не вполне ясна, но в контексте образа она напоминает повод для контроля над животным (возможно, обвязанный вокруг шеи), с помощью которого ребенок мог передвигать игрушку.

В погребениях встречены многочисленные кости животных. Большая их часть принадлежит одомашненным видам: овца, корова, коза, лошадь. Наряду с этим, в единичных случаях представлены и дикие виды: косуля, лось и медведь. У восточной стенки ограды кургана обнаружены захоронения черепов очень крупных быков (рис. 21). Судя по всему, они связаны с проведением ритуалов. С этой же целью за восточной стенкой ограды была сооружена специальная ритуальная площадка.

В последнее десятилетие подобные ритуальные площадки выявлены у многих окуневских курганов (Поляков, 2010б; 2014б; 2014в). В 2015 г. при

Рис. 20. Итколь II, курган 1, могила 12. Зооморфная головка из кости

Рис. 21. Итколь II, курган 1. Ритуальное захоронение черепа быка. Вид с востока

раскопках могильника Красная Горка-15 (объект 10) в Республике Тыва было исследовано прекрасно сохранившееся святилище эпохи ранней бронзы, имевшее аналогичную конструкцию (Лазаретов, Поляков, 2017). Ритуальная площадка кургана 1 могильника Итколь II наиболее соответствует ему по сумме признаков (рис. 22). Это отдельное прямоугольное сооружение, расположенное за восточной стенкой ограды кургана. Оно имеет примерно такой же размер, как сам курган, и полностью

Рис. 22. Итколь II, курган 1. Ритуальная площадка, расположенная к востоку от кургана. Вид с севера

аналогичную ориентировку. Границы ритуальной площадки оформлены вертикально вкопанными плитами песчаника, установленными «пунктиром», через равные промежутки. В центре расположен прямоугольный низкий (высота 0,20 м) каменный ящик, ориентированный четко в створ центральной могиле кургана. В нем обнаружены следы огня и мелко фрагментированные кости животных. По четырем углам от этого ящика выявлены ямы для установки вертикальных каменных плит (стел). В одном случае обнаружен обломленный «корень» такого вертикального камня. К северу от центрального ящика ритуальной площадки располагалась яма с плитками расклинки, которая предполагает установку ещё одной стелы, обращенной плоскостью на юг, в сторону «жертвеника». Крайне важно отметить, полную аналогию данных сооружений ритуальным площадкам, связанным с курганами чемурчекской культуры (Тишкин и др., 2012). Это свидетельствует о наличии у окуневского и чемурчекского населения единой религиозной доктрины, выразившейся в сходстве ритуалов, связанных с погребально-поминальной сферой.

В ходе исследования данного кургана были обнаружены 12 стел и плит, на которых имеются различные изображения или их части. Лучше всего сохранилась стела из красновато-коричневого

песчаника высотой 1,73 м, использованная в качестве перекрытия могилы 3 (рис. 23). Первоначальным изображением, созданным для большого коллективного обряда, здесь был крупный антропоморфный лик без контура с трехъярусной структурой. В нижнем ярусе показан овал рта с симметричными дугами-«клыками», по бокам которого симметрично расположены фигуры в виде языка змеи, обращенные развилкой в сторону рта. В среднем ярусе симметрично показаны два выгнутых вверх полуовала, символизирующих ноздри, два рога быка и два треугольника. В верхнем ярусе нанесены три окружности с силуэтными кружками в центре, обозначающие глаза. Выше глаз расположены три тройных дуги, концы которых раздваиваются в виде змеиных языков, и которые в антропоморфном контексте могут быть соотнесены с волосами. В единую композицию с ликом входит окружность с четырьмя уголками с внешней стороны, размещенная ниже рта, которую часто в литературе называют «солнечный знак». По бокам этой окружности расположены два косых креста. Все эти изображения нанесены выбивкой с последующей шлифовкой. К более позднему времени относятся многочисленные выбитые округлые лунки, змеевидная линия возле глаз, прямая линия в правой нижней части стелы и пять изображений волов (в трех случаях комолых). В некоторых случаях фигуры животных перекрывают элементы первоначальной

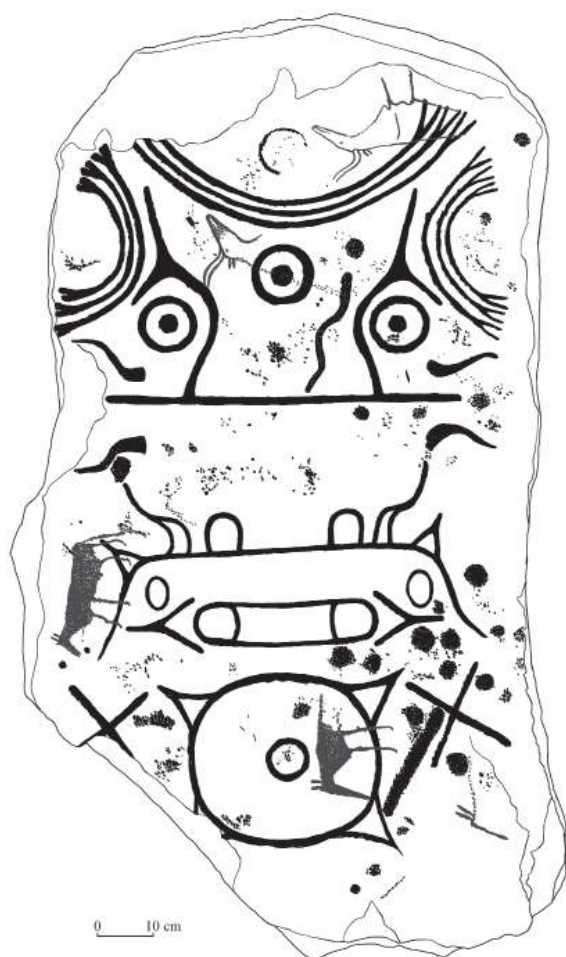

Рис. 23. Итколь II, курган 1, могила 3. Прорисовка плиты с изображениями, использованной в качестве перекрытия погребения

композиции. Судя по различной ориентации фигур крупного рогатого скота, их наносили на камень, когда стела лежала горизонтально.

Наиболее сложной и интересной является плохо сохранившаяся стела из покрытия могилы 4 (рис. 24). Первоначальное ее изображение – трехъярусный и трехглазый антропоморфный лик с овальным контуром. Спустя какое-то время для нового коллективного ритуала поверх лика был изображен редкий вариант знака в виде окружности с четырьмя лучами. Подобно лику, этот крупный рисунок играет роль основного изображения на стеле, что указывает на его очень важное место в ритуально-мифологических представлениях окуневцев. Вместо уголков, как у знака в нижней части стелы из могилы 3, здесь в качестве «лучей» изображены ритуальные сосуды на поддоне – «курильницы». Идентифицировать их позволяет серия аналогий в окуневском искусстве (Есин, 2010б. Рис. 9). Знак с четырьмя курильницами,

Рис. 24. Итколь II, курган 1, могила 4. Прорисовка плиты с изображениями, использованной в качестве перекрытия погребения

как и ряд других вариантов, показывает, что смысл таких рисунков гораздо сложнее простой «солярной» интерпретации. Данная композиция подкрепляет ранее высказанную гипотезу об этой группе изображений как визуальном воплощении представлений о священном мировом порядке, регулирующем природные и социальные явления, организацию пространства, цикличность времени и ритуалов (Леонтьев и др., 2006. С. 57–64; Есин, 2010а. С. 117–130). С менее значимыми для коллектива событиями связаны последующие сохранившиеся изображения на той же поверхности стелы: простой лик без контура (кружки его глаз и рот выбиты поверх описанных выше изображений); фигура вола; образ беременной женщины, с поясом, с разведенными в стороны руками и ногами.

Заключение

Таким образом, проведенные в 2016–2017 гг. раскопки курганов, датирующихся эпохой энеолита и ранней бронзы Минусинской котловины, зна-

чительно обогатили наши знания и представления о населении, оставившем эти памятники. Каждый из исследованных комплексов имеет важное значение для понимания происходивших в этот период процессов. Особенно стоит отметить последовательную перестройку кургана 12, которая велась на протяжении 500 лет представителями двух различных культур. Могильник Итколь II в настоящее время занял одну из лидирующих позиций среди памятников окуневской культуры по числу обнаруженных изображений. Многие стелы и предметы мелкой пластики, обнаруженные в захоронениях памятника, являются уникальными и заметно продвигают нас на пути изучения духовной культуры этого древнего народа.

Источники и литература

- Байпаков К. М., Марьяшев А. Н., 2009. Петроглифы Ак-Кайнара. Алматы.
- Беневоленская Ю. Д., Громов А. В., 1997. Морфология затылочно-теменной области черепов окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.
- Есин Ю. Н., 2008. «Солнцеголовые» изображения в раннеокуневском искусстве Минусинской котловины // Тропюю тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово.
- Есин Ю. Н., 2009. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Томск.
- Есин Ю. Н., 2010а. Тайна богов древней степи. Абакан.
- Есин Ю. Н., 2010б. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул.
- Есин Ю. Н., 2012. Малоарбатская писаница: изображения эпохи бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3.
- Зяблин Л. П., 1981. Окуневский курган на могильнике Малые Копены III // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск.
- Ковалев А. А., 1997. Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.
- Кубарев В. Д., 2009. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск.
- Кызласов Л. Р., 1986. Древнейшая Хакасия. М.
- Лазаретов И. П., 1997. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.
- Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2017. О раскопках могильника Красная Горка-15 в 2015 г. // Бюллетень ИИМК РАН. № 6.
- Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2018. Могильник Красный Камень – погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // ТПАИ. № 2 (22).
- Леонтьев Н. В., 1978. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск.
- Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н., 2006. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан.
- Максименков Г. А., 1980. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л.
- Медникова М. Б., 2001. Трепанации у древних народов Евразии. М.
- Молодин В. И., 2013. Каменные «луновидные» подвески в потревоженных погребальных комплексах кротовской культуры (Западная Сибирь) // Monumentum Gregorianum. Сб. статей памяти академика Г. М. Бонгард-Левина. М.
- Наглер А., Парцингер Г., 2006. Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник 2. Культура и её окружение. СПб.
- Подольский М. Л., 1997. Два окуневских памятника на ручье Узунчул // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.
- Поляков А. В., 2010а. Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник. Барнаул.
- Поляков А. В., 2010б. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. Материалы науч. конф.,

- посвящённой 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб.
- Поляков А. В., 2010в. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул.
- Поляков А. В., 2014а. К вопросу о необходимости раскопок курганов окуневской культуры широкими площадями (на примере кургана 13 могильника Итколь II) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб.
- Поляков А. В., 2014б. Археологическое исследование комплекса памятников Итколь II–III // Научные экспедиции РГНФ. М.
- Поляков А. В., 2014в. Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань. Т. I.
- Поляков А. В., 2017. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. № 16.
- Поляков А. В., Есин Ю. Н., 2015. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 43, № 2.
- Поляков А. В., Есин Ю. Н., 2017. Курильница с антропоморфными изображениями из раннеокуневского погребения могильника Итколь-II // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе. Барнаул.
- Поляков А. В., Святко С. В., 2009. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // ТПАИ. Вып. 5.
- Поляков А. В., Святко С. В., Степанова Н. Ф., 2017. Новые данные по радиоуглеродной хронологии памятников афанасьевской культуры Алтая // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе. Барнаул.
- Поляков А. В., Святко С. В., Степанова Н. Ф., 2018. Современное состояние радиоуглеродного датирования афанасьевской и окуневской культур // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (21). Вып. 5.
- Поляков А. В., Степанова Н. Ф., 2009. Исследования памятников афанасьевской культуры на озере Итколь (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 года. Т. XV.
- Савинов Д. Г., 2005. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // ТПАИ. Вып. 1.
- Семенов Вл. А., 2018. Тоора-Даш – многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.
- Степанова Н. Ф., Поляков А. В., 2017. Афанасьевский и окуневский керамические комплексы с памятников оз. Итколь (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
- Тишкин А. А., Грушин С. П., Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д., 2012. Постройки культового назначения у курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай) // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул.
- Хаврин С. В., 1997. Могильник Верхний Аскиз I, курган 1 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.
- Blednova N., Francfort H.-P., Legchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P., 1995. Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Paris. Fasc. № 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie).
- Poliakov A. V., Svyatko S. V., Stepanova N. F., 2018. A review of the radiocarbon dates for the Afanasyevo Culture (Central Asia): Shifting towards the «shorter» chronology // Radiocarbon. Cambridge. Vol. 60.
- Svyatko S. V., Mallory J. P., Murphy E. M., Polyakov A. V., Reimer P. J., Schulting R. J., 2009. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon. Cambridge. Vol. 51, № 1.